

Лян Жоянь прикусила губу и медленно подняла голову, глядя снизу вверх на высокого, статного мужчину перед собой.

У неё внутри всё оборвалось, но она заставила себя сохранять спокойствие:

— Прошу прощения, что нарушила покой господина, это моя вина. Надеюсь, господин проявит милосердие и отпустит нас, а я буду вечно помнить вашу великую доброту.

Девушка была прекрасна и очаровательна, подобно распустившемуся ирису. Её изящные, живые глаза, напоминающие лепестки персика, подрагивали от легкого страха; она казалась даже более робкой и беззащитной, чем кролик, которого она прижимала к груди, вызывая невольное желание её пожалеть.

Её актерская игра, конечно, не была безупречной, но подкупала своей естественностью, а главное — это лицо было слишком убедительным.

Даже при самых разных вкусах невозможно было отрицать, насколько ошеломляюще выглядела Шэн Яо. В обычной одежде она была красавицей на сто процентов, а стоило ей облачиться в древний наряд, как она превращалась в ослепительную красавицу на все двести. Неудивительно, что император потерял голову.

Актеры и съемочная группа не могли отвести от неё глаз.

Мужчина, чьи глаза слегка потемнели, не сводил с неё пристального взгляда и чуть заметно улыбнулся:

— В такой глуши встретить подобную красавицу... Редкая удача. Моя вылазка оказалась не напрасной.

Услышав это, Лян Жоянь побледнела от ужаса, её сердце сжалось, а зубы невольно впились в нижнюю губу.

Для Лю Фаня Лян Жоянь была не только возлюбленной, но и его невестой, и он не мог допустить, чтобы кто-то на неё посягал:

— Янь-эр — лишь простая девушка, и для неё большая честь получить внимание столь знатного господина. Однако мы с ней уже обручены, и в скором времени...

Сюэ Ци насмешливо фыркнул, полный презрения:

— И что с того? В Поднебесной нет ничего, чего бы я, император, не мог получить.

Услышав, как он называет себя императором, юноша побледнел, а девушка от переизбытка страха лишилась чувств и упала в обморок.

...

Подняться на гору было трудно, а вот спуститься — легко.

Пока они ехали обратно в отель, Шэн Яо уже проголодалась. После ужина и горячей ванны усталость наконец отступила.

Вечером предстояла ночная съемка: Лян Жоянь, ставшая любимой наложницей, должна была отравить императора Сюэ Ци. Чтобы всё прошло незаметно, по приказу Хань Сяо тайные агенты прислали два вида яда. Один добавлялся в еду — его не могли обнаружить даже слуги, пробующие блюда. Второй наносился на губы как помада. При смешивании эти два вещества образовывали трудноуловимый медленно действующий яд.

Но существуют ли на самом деле такие странные яды или это просто выдумка? И значит ли наличие помады, что придется сниматься в сцене поцелуя?

Она нахмурилась. До попадания в этот мир она ни с кем не встречалась, а после — не играла в парах. А тут на шоу навалилось всё сразу.

Хорошо хоть, её партнером был Ци Сю. Говорили, что он избегает женщин и не снимается в интимных сценах, так что максимум, что их ждало — это обман зрения при съемке.

Однако, едва она успокоила свое сердечко, как прочитала в сценарии следующее:

В покоях слышны тихие всхлипы девушки и тяжелое дыхание мужчины, сплетающиеся в единое целое, что создает крайне двусмысленную атмосферу.

Евнух У, стоявший снаружи, видя, что время давно вышло, услышал, как внутри всё стихло, и с облегчением вздохнул. Но не прошло и десяти минут, как всё началось снова.

Он набрался смелости и произнес:

— Ваше Величество, уже глубокая ночь, берегите драгоценное здоровье!

В покоях на мгновение воцарилась тишина, после чего раздался хриплый, сдавленный окрик: «Пошел вон!»

Раньше, читая романы с подобными сценами, Шэн Яо могла нафантазировать себе что угодно, но теперь, глядя на сценарий, она чувствовала, что глаза вот-вот ослепнут.

Она тут же позвонила Лю Фан, чтобы та связалась со сценаристом и потребовала всё переписать.

Но сценарий был готов давно, изменения вносились в последний момент, да и актеры уже получили тексты на руки — шансов на правки почти не было.

Съемочная группа, видя, что Ци Сю молчит, решила попытать счастья и уговорить Шэн Яо, уверяя, что постельная сцена будет снята в виде силуэтов за ширмой и никакой откровенности не будет.

Но Шэн Яо на это не купилась.

Шутить изволите? Даже если это силуэты, им всё равно придется лежать в одной постели.

Она не профессиональная актриса, чтобы жертвовать собой ради искусства. А если Гу Хуайнянь вставит ей нож в спину и запустит слух, что она воспользовалась съемками, чтобы полатать национального кумира Ци Сю, её же с грязью смешают.

В итоге Шэн Яо решила сама пойти к сценаристу и режиссеру.

...

Исполнительные менеджеры всех гостей шоу находились за кулисами. В первой серии Фан Синчжи был спокоен, видя, как его босс держится уверенно, а Гу Хуайнянь вокруг него суетится.

Но в этой серии, из-за того что босс не знал правил шоу, его персонаж — властный чиновник — превратился в императора-тирана, которому предстояло играть с его неродной племянницей. Фан Синчжи занервничал.

К счастью, босс вел себя покладисто, да и госпожа Шэн не чудила.

Он немного успокоился и попросил стажера заварить ему чаю.

Но как только чай был готов, начались проблемы. Причиной, конечно, было желание Шэн Яо изменить сценарий.

Ей не повезло — по дороге она столкнулась с Ци Сю и Гу Хуайнянем.

Гу Хуайнянь усмехнулся и поприветствовал её:

— Госпожа Шэн, куда это вы собрались?

Девушку передернуло от его улыбки, и она сухо ответила:

— Просто гуляю.

— Скоро грим и съемки, не уходите слишком далеко.

Глядя на его фальшивую улыбку, она почувствовала раздражение. Поблагодарив его, она ускорила шаг, желая оказаться как можно дальше от этих двоих.

Ци Сю, который даже не удостоил её взглядом, мельком глянул на неё и, заметив в руках сценарий, слегка нахмурился. Опасаясь, что она опять что-то выкинет, он пошел следом.

Фан Синчжи нахмурился. Раньше он думал, что Ци Сю ненавидит эту дрянь и не станет с ней общаться, но теперь казалось, что он о ней заботится. Или, скорее, защищает репутацию семьи Жун.

Ци Сю, чьи ноги были длиннее, быстро догнал Шэн Яо и преградил ей путь:

— Почему не идешь на грим и переодевание? Что ты тут бегаешь?

Шэн Яо очень хотелось закатить глаза и сказать что-то вроде «не твоё дело, отвали». Но она хотела выжить, поэтому сдержала свой буйный нрав и процедила:

— Я считаю, что некоторые моменты в сценарии нелогичны, хотела обсудить это со сценаристом.

Звучало красиво, но Ци Сю прекрасно знал её характер и решил, что она опять хочет перетянуть одеяло на себя. Его взгляд стал холодным:

— Шэн Яо, не занимайся ерундой.

Девушка опешила: в чем это она занимается ерундой?

Гу Хуайнянь воспользовался моментом:

— Госпожа Шэн, сценарист — душа произведения. Если есть что-то нелогичное, скажите прямо сейчас. Господин Ци Сю снялся во многих фильмах, он опытнее нас.

Шэн Яо хотелось ударить его по голове. Притворяется миротворцем, а на самом деле хочет загнать её в угол, чтобы она не смогла привести аргументы.

Раз они настаивают, она скажет. В конце концов, можно переложить ответственность на Ци Сю.

Она улыbnулась мужчине:

— Господин Ци Сю, вы читали сценарий к сегодняшней сцене?

— Нет, — честно ответил он. У него была отличная память, он любил учить текст на площадке, чтобы лучше прочувствовать атмосферу.

— Вот именно! — сказала девушка, кивая. — Я слышала, что господин Ци Сю не снимается в интимных сценах, а здесь их немало. Вот я и хотела обсудить, нельзя ли что-то изменить.

Вот оно что. В конце концов, наложница и император не могут просто лежать под одним одеялом и болтать, а если и болтать, то всё равно в одной постели.

Мужчина нахмурился так, что между бровей можно было зажать муху. Но, увидев торжествующий блеск в глазах девушки, он понял, что она просто не хочет сниматься в интимных сценах.

— Это ты сама не хочешь сниматься.

Не ожидая, что он так быстро раскусит её мысли, Шэн Яо решила не скрываться:

— А вы, значит, очень хотите?

Ци Сю приподнял подбородок и надменно ответил:

— Разве мы с тобой на одном уровне?

В душе Шэн Яо выругалась, но на лице сохранила улыбку и ответила язвительно:

— Конечно, господин Ци Сю, мы не на одном уровне. Я действительно не хочу сниматься в интимных сценах, а вы — другое дело. В такой ситуации можете себя заставить, восхищаюсь

вашим профессионализмом!

От её ядовитых слов вокруг воцарилась тишина.

Гу Хуайнянь закусил губу, переводя взгляд с одного на другого. Атмосфера была странной, вклинить в неё, а тем более поссорить их, было невозможно.

Ци Сю смотрел на неё сверху вниз, его взгляд был глубоким, как бездонный омут:

— А у тебя острый язычок.

Шэн Яо улыбнулась и с наглостью приняла комплимент:

— Я тоже так думаю. Спасибо за похвалу, господин Ци Сю, в будущем буду стараться ещё больше.

Мужчина хмыкнул, не желая больше препираться, и ушел.

Раз уж этот «большой босс» стал ножом в руках Гу Хуайнянь, и она его уже обидела, то лучше идти до конца, чтобы они больше никогда не пересекались.

Девушка подумала об этом и, глядя ему вслед, тонким, манерным голосом, как у евнуха, крикнула:

— Ваше Величество, берегите драгоценное здоровье!

Ци Сю остановился и медленно обернулся.

Виновница переполоха вздрогнула и, испугавшись, бросилась наутек.

Воздух внезапно застыл.

Шэн Яо, приподняв подол платья, неслась прочь, оставив режиссера и персонал наедине с ледяной атмосферой. Все дрожали, словно ступая по тонкому льду.

Тут «добряк» Гу Хуайнянь улыбнулся:

— Не ожидал, что госпожа Шэн такая шутница.

Ха! Шутница. Использовать сценарий, чтобы отпускать пошлые намеки в адрес старшего — это была не шутка, а неслыханная дерзость.

Ци Сю холодно хмыкнул и пошел дальше. Момент был неподходящий, но когда-нибудь он обязательно вернет должок с процентами.

Впрочем, после выходки Шэн Яо сценаристы и режиссеры не решились халтурить и удалили все откровенные моменты. Максимум, что было — это объятия, а поцелуй при отравлении сняли с помощью обмана зрения.

Впрочем, после выхода шоу этого было достаточно, чтобы вызвать зависть и ревность у фанаток Ци Сю, но это уже совсем другая история.

<http://bllate.org/book/21623/2230566>